

Ивана-гимназиста, уверявшего, «будто изобрел он особый мыльный состав и особую трубочку, пользуясь которыми можно выпустить удивительный мыльный пузырь. Пузырь этот будет в полете увеличиваться, достигая поочередно елочной игрушки, мяча, затем шара с дачной клумбы, и дальше, дальше, вплоть до объема аэростата,— и тогда он лопнет, пролившись над городом коротким золотым дождем».

Ср. в письме Дм. Ульянова, впечатляющем, кстати, как и сочинения Ленина, дидактической интонацией, унаследованной обоими братьями от отца-педагога: «Крым, чтобы он стал действительно тем, что о нем воображают северяне, должен быть залит водой. Воду эту необходимо достать из моря путем опреснителей, хоть из облаков, путем искусственной конденсации во что бы то ни стало. И начать в широких размерах лесонасаждение, тогда это будет Крым, а не Сахара»¹⁵.

Соотнесение образов производилось, вероятно, не только на общей основе бытового эксцентризма, но и в биографическом ключе. Андрей Бабичев, подобно Ленину, бездетен — у «непутевого» Ивана есть дочь Валя; дочь Дм. Ульянова звали Оля.

Иван Бабичев работает «до войны» в Николаеве, «близ Одессы», а впоследствии попадает в Москву, где и происходит действие романа. Дм. Ульянов служил поначалу в Херсоне и на Хаджибейском лимане возле Одессы. С 1911 г. он проживал в соседнем с ней Крыму (во время первой мировой войны работал и в Одессе), откуда в конце 1921 г. — примерно в одно время с одесситом Олешей — перебрался в столицу. Одесситы хорошо знали — и, разумеется, охотно обсуждали — эту довольно колоритную личность, прославившуюся благодаря брату.

Наряду с этим позволительно предположить, что рассказ о двух братьях-«вождях» полемически подхватывает идолоборческую тему, затронутую Маяковским¹⁶ в поэме «Владимир Ильич Ленин»¹⁷. Маяковский последовательно выстраивает серию заведомо отвергаемых гипотетических сюжетов. Претворяя их в романную действительность, Олеша дает им позитивное и контрастное развитие¹⁸. Среди прочего — эпизод, где Иван преграждает путь машине Андрея Бабичева, переключается со стихами: «Если бы был он царствен и божествен,/я б от ярости себя не поберег,/я бы стал бы в перекоре шествий,/поклонениям и толпам поперек». Нетрудно сблизить также описание некоего условного «вождя милостью божьей», противопоставленного в поэме «земному» Ленину, со сходным портретом Андрея Бабичева в той же сцене.

И наконец, словно манифестируя сокровенную проблематику романа, Олеша опять-таки переводит в реальный и положительный сюжетный аспект ситуацию, очерченную у Маяковского в плане негативной возможности¹⁹.

«Рассияют головою венчик,/я тревожусь, не закрыли чтоб/настоящий, мудрый, человеческий/ленинский огромный лоб».

Про Ивана Бабичева сказано:

«Котелок его съехал на затылок (ср. «венчик». — М. В.) и открылся большой, ясный, усталого человека лоб».

Допустимый набор «ленинских» аллюзий, конечно, не исчерпывается текстом Маяковского. Так, замечание Ивана Бабичева: «Хорошо, что уже сочиняются легенды. Конец эпохи, переходное время, требует своих легенд и сказок. Что же, я счастлив, что буду героем одной из таких сказок», — уместно возвести к сентенции Горького: «Суровый реалист, хитроумный политик — Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это хорошо»²⁰.

Как видим, в финале «Зависти» эта «легендарная личность» обрекается на небытие «суровым реалистом», вобравшим в себя государственный напор новой, нивелирующей эпохи.